

УДК 910.1

ПОДХОДЫ К ПАЛЕОГЕОПОЛИТИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ НАСЛЕДИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)

© 2021 г. К. Э. Аксенов^{a, b, *}, М. В. Михновец^{c, **}

^aСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^bБалтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия

^cСПбГБУК “Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского”, Санкт-Петербург, Россия

*e-mail: axenov@peterlink.ru

**e-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

Поступила в редакцию 07.07.2020 г.

После доработки 15.03.2021 г.

Принята к публикации 27.04.2021 г.

Настоящая статья вводит в научный оборот понятие палеогеополитики — раздела исторической геополитики, целью которого является реконструкция всех видов геополитических представлений, явлений и процессов, распространенных на исследуемой территории в прошлом. Исследования проводятся с помощью специфического метода, при котором в качестве материала используются не собственно геополитические источники, а косвенные: в частности, произведения искусства. В статье продемонстрировано, каким образом может быть проведено палеогеополитическое исследование на материале литературного наследия отдельного писателя, уточнено, какие литературные источники и литературоведческие методы исследования являются наиболее релевантными поставленным задачам реконструкции реальных геополитических процессов. Данная работа предлагает оценку широкого спектра потенциальных палеогеополитических исследований на материале творческого наследия Ф.М. Достоевского, позволяет оценить геополитический ландшафт современного писателя мира, преломленный в его мировосприятии. Потенциал прикладного тематического палеогеополитического исследования продемонстрирован на примере анализа “киргизских степей” в геополитической картине мира писателя. Творчество Достоевского позволило авторам зафиксировать процесс изменения в общественном сознании статуса “киргизских степей”: от фронта империи к пониманию их как собственной территории, а позднее и как нового хартленда.

Ключевые слова: геополитика, палеогеополитика, палеогеография, критическая геополитика, Достоевский, Российская империя, фронт, киргизские степи

DOI: 10.31857/S2587556621040038

ВВЕДЕНИЕ

Очевидно, что ни генезис Крестовых подходов, ни процесс (ре)открытия Америки невозможно полноценно концептуализировать без знания о современных им представлениях о политическом “контроле” над Гробом Господним или о существовавших “владениях” на путях в Индию. Если подобные макроэпохи и макроидеи неплохо изучены исторической наукой, то более частные могут выпадать из поля зрения историков. Мнения исследователей расходятся даже в понимании роли многих геополитических представлений в сравнительно недавних исторических событиях. Можно ли в принципе найти инструменты их изучения, если эти представления могли не фиксироваться в официальных документах и ушли в прошлое вместе с поколения-

ми своих носителей? В настоящей работе принята попытка выработать максимально доступный для массового академического исследования инструментарий реконструкции таких геополитических представлений и явлений.

В работе мы используем сочетание популярных подходов к определению структуры геополитики К. Флинта и Дж. О’Тоала (Flint, 2012; O’Tuathail, 1999)¹. Вслед за ними мы будем рассматривать геополитику как состоящую из четырех основных частей: 1) идеологические конструкции и прочие концепции видения мира (формальная геополитика); 2) практики и проявления территориальных стратегий в отношении

¹ Определений геополитики существенно больше: А.Б. Елацков (2017) выделяет 4 класса, 13 типов и 16 подтипов основных подходов к интерпретации геополитики.

государственности (практическая геополитика); 3) представления о территории и контроле над ней любым субъектом общественных отношений (популярная геополитика); 4) глобальные процессы, тенденции и противоречия, формирующие геополитическую ситуацию (структурная геополитика). Под объектной областью геополитики мы традиционно понимаем политические отношения по поводу пространства надгосударственного уровня (Колосов, 1992; Гаджиев, 1997). Поскольку определенные типы международных политических отношений непосредственно зависят от внутренних политико-географических процессов, то мы, следуя традиции, уделим особое внимание и последним (в частности, проблемам формирования государственной территории, “столиц и границ”).

Для обозначения предмета исследования мы вводим термин “палеогеополитика”, под которым, по аналогии с “палеогеографией”, предлагаем понимать историко-геополитическую дисциплину, изучающую распространение геополитических представлений и явлений прошлых периодов по поверхности Земли на основе косвенных источников (Рухин, 1959; Ясаманов, Славин, 1982). Точно так же, как палеогеографы по косвенным источникам реконструируют палеофизико-географические элементы (климат, ландшафт, элементы биосферы, гидросферы и др.), характерные для исследуемой эпохи и территории, палеогеополитики должны изучать совокупность всех видов геополитических представлений, явлений и процессов, распространенных на определенной территории в определенный исторический период — по сохранившимся косвенным источникам.

В.Н. Стрелецкий (2007) указывает, что, согласно преобладающему у физико-географов взгляду, историческая география — раздел палеогеографии, объектом исследования которого является последний, “исторический” (или антропогенный) этап развития природы Земли (в противоположность грандиозному по продолжительности “доисторическому” этапу). Поскольку эволюция геополитики происходила в “исторический” период, нам кажется правильным определять палеогеополитику не выделением периода, определяющего ее объект, а применимостью ее метода к задачам и условиям конкретного историко-геополитического исследования: палеогеополитические методы стоит использовать, когда у исследователя недостает данных объективных наблюдений. Поэтому мы предлагаем считать палеогеополитику частью исторической геополитики, использующей специфические “палео” методы и данные для изучения общего предмета.

Специфика палеогеополитического метода заключается в том, что в отличие от “профильных”

историко-геополитических источников (документов, статистики, материальных объектов политики и пр.) исследуются “негеополитические” источники, доступные для наблюдения сегодня. Например, произведения искусства, созданные в определенную эпоху и содержащие искомую геополитическую информацию о ней. В этом заключается специфика палеогеополитического метода по сравнению с другими методами, которые используются для реконструкции геополитических показателей, измеримых при помощи “профильных” и “объективных” данных. Кроме того, принципиальным отличием палеогеополитики от остальной исторической геополитики является ее географичность, то есть привязка к конкретному месту, свойства которого составляют часть ее предмета.

Поскольку значительная часть геополитики как общественного явления нематериальна (например, распространенные в данный период геополитические концепции, стратигемы, теории и обыденные представления), то искать их отражение в материальных структурах, сохранившихся до настоящего времени, не всегда возможно в принципе. При отсутствии в значительном ряде случаев еще и прямых документальных свидетельств для палеогеополитической реконструкции представляется перспективным исследование косвенных источников, сохранивших указания на исследуемый предмет, в частности, различных типов художественных артефактов: живописи, изустных преданий, песенных и кинематографических произведений и др. Не случайно исследования художественной, бытовой и поп-культуры как эффективного поставщика и пропагандиста геополитических концептов и смыслов многочисленны и жанрово разнообразны (Dittmer, 2010; Dixit, 2012; Flint, 2001; Grayson, 2009; Saunders, 2015).

Хотя проблематика реконструкции геополитических представлений, распространенных в определенные исторические эпохи, широко представлена в мировых исторических, политических, антропологических, региональных и пр. исследованиях [например, (Калинина 2003; Райт, 1988; Bjorn, 1994; Flint, 2012; Weaver-Hightower, 2011)], нам не удалось обнаружить в научной литературе термина “палеогеополитика”². Помимо уже упомянутого направления палеогеографии, максимально близки к нашему предмету термины “палеомарксизм”, “палеолиберализм” и пр. (Lauren, 2003; Maravelias, Thanem, Holmqvist, 2012).

Несмотря на существующий активный академический интерес к объектной области (геополитика в “негеополитических”, нетрадиционных,

² Термин палеогеополитика встречается лишь в отечественной эссеистике и идеологических конструкциях [например, (Дугин, 2014)].

источниках) и методологии исследований (изучение художественных источников не в искусствоведческих, а в научно-геополитических целях), к интересующему нас предмету изучения отдельный дисциплинарный подход не сформирован.

Художественная литература благодаря своей информативности и доступности давно эффективно используется в качестве приоритетного материала для исследования областей взаимодействия “художественного” и “геополитического”. Однако в своем большинстве такие исследования лежат в иных предметных или дисциплинарных областях: искусствоведении, истории (идей), мета-географии, лингвистике и семантике, биографических исследованиях, политических науках, психологии и других.

Значительный объем работ посвящен геополитическим представлениям и географическому образу пространства [например, (Замятин, 2004а; Замятин, 1998б; Райт, 1989; Цымбурский, 1995; Lauren, 2003; Roberts, 2012)].

Немало работ посвящено влиянию литературных произведений и их авторов на геополитические явления и процессы с использованием разных литературных жанров, как в прошлом (Barnhisel, 2015; Boyagoda, 2016; Chih-Ming Wang, 2012; Saunders, 2015; Takayoshi, 2015; Zimmermann, 2002), так и в настоящем (Duggan, 2013).

Ряд работ весьма близко подходит к нашему определению палеогеополитического исследования (ПИ). В этих трудах, зачастую сфокусированных на поиске авторских геополитических идей и общественных влияний рассматриваемых литературных произведений, анализируется также отражение в литературе реальных геополитических процессов, имевших разную значимость для современной авторам геополитики применительно к описываемым территориям, например (Marx, 2012; Weaver-Hightower, 2011).

Среди отечественных исследователей особенно близко к данной проблематике подходят работы Д.Н. Замятин, Н.Ю. Замятиной и В.Л. Цымбурского. Работы Замятин (например, 1999) дисциплинарно тяготеют к области метагеографии и посвящены образам пространства, их структуре, взаимодействию в творчестве писателя, а отчасти и влиянию связанной с ними позиции самого писателя на современную ему общественно-политическую жизнь. В отличие от метагеографии палеогеополитика направлена не на анализ пространства образов или языка (Замятин 2004а), а на реконструкцию объективного состояния геополитического пространства на основе его отражения в литературном творчестве. Тем не менее в большинстве работ Замятин (1998, 2004б, 2008 и др.) значительное внимание уделяется также оценке соотношения геополитических образов и реальных

геополитических процессов. То же можно сказать и о работах Н.Ю. Замятиной (1998а, 1998б, 1999).

Одним из наиболее ярких примеров непосредственно геополитических работ, обращающихся к сфере литературного и окололитературного творчества, являются труды В.Л. Цымбурского (1995, 2007, 2015), посвященные Ф.И. Тютчеву, Ф.М. Достоевскому, А.И. Солженицыну. При этом исследователя интересует творчество писателей в свете развития геополитических идей как таковых. Можно сказать, что наследие литераторов для Цымбурского — в большей степени или иллюстративный материал при создании собственных геополитических теорий, или веха в реконструкции истории геополитических идей, т.е. метагеополитике. Цель же ПИ — показать реальные процессы, не обобщенные и не объединенные в метаидею. Цымбурский не случайно обращается к трем литераторам, которые были одновременно и яркими общественными деятелями — его интересует и проблема воздействия их метаидей на общество. Для ПИ же, как правило, неважно, обладал ли исследуемый автор активной гражданской позицией, за исключением случаев, когда сам писатель (как, скажем, Мольер) являлся значимым актором в современных ему геополитических процессах.

ПИ не отрицает литературоведческие социологические концепции, интересующиеся “созданием, восприятием и интерпретацией литературного произведения и его социальным бэкграундом” (Черновская, 2011, с. 179), в рамках которых произведение искусства понимается как неотъемлемая часть коллективного сознания, как то, что формируется в исторической перспективе конкретными социальными группами и классами и являет собой “частное в типическом” [например, социологические концепции Г. Лукача (Lucacs, 1960)]. Выработанная нами методика далека от вульгарно-социологических концепций исследования и скорее восходит к постулатам теорий Л. Гольдмана (1987) и А. Марвика (Marwick, 1981), которые рассматривали “ментальные структуры писателя не как полное отражение объективной реальности”, а “лишь “потенциального” сознания социальной группы” (Черновская, 2011, с. 181), исходили из идеи о том, что художественные произведения — культурные артефакты, рассматривать их возможно в рамках исторического подхода, однако учитывая уникальность творческой индивидуальности автора.

Именно в связи с тем, что мы не обнаружили в литературе дисциплинарного вычленения этой проблематики в отдельную предметную область внутри геополитики, считаем не просто оправданным, а весьма перспективным выделение отдельного направления историко-геополитических исследований “палеогеополитика”. Цель

настоящего исследования не только и не столько в предложении новой терминологической и теоретической конструкции, сколько в апробации связанной с ней методологии прикладного ПИ. Предметом исследования при таком подходе становятся реальные геополитические явления и процессы, существовавшие в определенном историческом периоде и месте, а творчество конкретного автора (включая его возможную общественную деятельность) — лишь объект и материал для выявления и поиска метрик таких процессов.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для ПИ может быть произведение любого исторического периода и литературного направления, принадлежащее к любому из родов литературы (эпос, лирика, драма) при учете их родовых особенностей (меры их социальной мифологичности, социального заказа, сознательно смоделированных автором геополитических представлений и т.п.). ПИ предполагает предварительное выяснение того, насколько сильной была взаимосвязь между литературой и общественной жизнью в изучаемый исторический период и в конкретной стране (месте), а также — насколько актуальна эта связь непосредственно для выбранного автора.

В общем случае ПИ максимально полно реконструирует картину мира через все творчество индивидуума, все виды вербального воплощения его геополитических представлений (публицистику, мемуаристику, эпистолярное наследие и др.). Для ПИ требуется привлечение литературоведческих методов исследования, в частности, комплексного анализа текста, лексемного и тематического анализа, использования историко-сопоставительных приемов работы.

Разумеется, полнота и достоверность отражения геополитической реальности автором зависит от особенностей его личного опыта, информированности и заинтересованности. Поэтому не следует полагаться исключительно на материалы творчества одного автора. Они должны подкрепляться верификацией из прочих доступных источников.

ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Выбранный нами кейс — ПИ наследия Ф.М. Достоевского. Представлены: 1) описание специфики наследия в соответствии с изложенными выше методологическими положениями, 2) поэтапная методика работы на примере творчества писателя, 3) результаты прикладного исследования.

1. Русская литература XIX в. в период главенствования реализма характеризовалась особым вниманием к общественно-политическим процессам, и в ней потенциально можно найти больше ма-

териала для ПИ. Непосредственно творчество Достоевского характеризуется особым вниманием к национальным, этнокультурным, конфессиональным вопросам. Личный опыт писателя связан с вовлеченностью в важные политические события эпохи, контактами с представителями элит и большинством прочих социальных слоев, многочисленными вынужденными и добровольными перемещениями по России и за рубежом. Творчество Достоевского, отличаясь особой целостностью, представляет собой поступательное развитие целого ряда идей и проблем, в том числе и геополитических.

2. Использовано Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского в 30 томах (1972—1990) как одно из наиболее авторитетных собраний сочинений с точки зрения количества включенных текстов, качества работы с черновиками и подготовительными материалами и отвечающее нашей задаче исследования всего комплекса текстов автора.

Комплексный анализ текста должен предвзаться работой по созданию своеобразного *геополитического глоссария писателя*: необходимо вычленить основные лексемы и лексико-семантические варианты, связанные со значимым геополитическим явлением. Так, при изучении вопроса о месте Польши в системе геополитических представлений Достоевского в глоссарий войдут лексемы “Польша”, “поляк”, “полячка”, “польский”, “полячишко”, “Речь Посполита”, “Старая Польша”, “польский край”, “привислинский край”, “ксендз”, “пан” и “панство”, “шляхта”, “Варшава”.

Единицы глоссария не могут быть определены заранее. Подспорьем в их вычленении может быть лишь наличие общего представления об особенностях проблематики и тематики произведений писателя. Но и в таком случае в начале исследования следует проводить фронтальный поиск всех единиц (топонимов, этнонимов и т.д. и их семантических вариантов), допуская, что многие из них не будут упомянуты ни разу во всем наследии писателя. Например, при обращении к кавказской проблематике Достоевский не упоминает ни в одном из возможных лексико-семантических вариантов православную Грузию или Армению. Тем не менее только такая тотальная выборка единиц, в том числе тех, которые не связаны, на первый взгляд, с находящимися в центре внимания автора явлениями, позволит построить целостную картину мира писателя и определиться с явлениями, находящимися на ее периферии.

Далее необходимо провести *тематический анализ* и выявить ключевые структурные элементы геополитической картины мира писателя. Так, тематический анализ творчества Достоевского

показал, что, несмотря на значимость проблемы отношений мусульманского и христианского миров, зоной локализации этого геополитического напряжения является Балканский полуостров, а не Кавказский регион [подробнее см. (Михновец, 2019)]. Анализ позволил выявить и причину этого явления: в творчестве Достоевского постоянно подчеркивается, что балканские православные народы — славяне. Кавказский регион не является исконным ареалом славянских народов, поэтому и не вызывает интереса писателя.

Такой подход к тексту подобен процедурам *контент-анализа*, однако не тождествен ему, поскольку предложенная нами методика работы не включает анализ количественных показателей единиц глоссария. Частота их употребления может не дать ничего для понимания специфики геополитических представлений писателя, а составить представление об определенном явлении в его геополитической картине мира можно, основываясь и на разовом случае обращения к топониму, этнониму и т.д. Так, чтобы оценить значимость балканского вопроса в картине мира Достоевского достаточно одного сильного с точки зрения геополитической рефлексии фрагмента. Например, следующий пассаж из “Дневника писателя” за сентябрь 1876 г. уже дает достаточный материал, даже если бы являл собой единственный пример обращения к Балканской тематике: “Русская вера, русское православие есть все, что только русский народ считает за свою святыню; в ней его идеалы, вся правда и истина жизни. А славянские народы — чем и единились, чем и жили, как не верой своей, во времена страданий своих под мусульманским четырехвековым игом?” (Достоевский, 1972—1990, т. 23, с. 118).

Важно проследить не только факт упоминания региона, этноса и т.д., но и факт их принципиальной неупоминаемости. Для этого требуется обращение к *историко-сопоставительным приемам* работы с материалом, соотнесение результатов тематического анализа с историко-культурным контекстом эпохи: произошедшими историческими событиями, реакцией на них в публицистике и художественной литературе. Требуется выявить надежные свидетельства того, что автор был знаком с тем или иным явлением. Подобные лакуны позволят выявить специфические особенности картины мира писателя, оценить, насколько историческое или общественно-политическое событие оказалось резонансно для него, а что стало следствием уже сформировавшейся в дальнейшем общественной традиции оценки события. Продемонстрируем подобный прием анализа на примере наследия Достоевского.

Удивительно, что при массовой увлеченности русской литературы Кавказом в творчестве Достоевского нет осмысления событий Кавказской войны. Напомним: в 1859 г. был пленен Шамиль, состоялась его встреча с императором Александром II, генералом А.П. Ермоловым. Писатель именно в это время, в 1860 г., возвратился в европейскую часть России из сибирской ссылки, Кавказская война широко освещалась на страницах газет. Несмотря на это, лишь однажды в записной книжке от 1864 г. Достоевский отметил: “У нас Кавказ покорен” (1972—1990, т. 20, с. 203). Появление этой записи было обусловлено тем, что 12 июля в России было официально объявлено об окончании Кавказской войны и в августе и сентябре последовал ряд публикаций в прессе на данную тему. Рационального объяснения отсутствия интереса к событиям на юге Российской империи нам выявить не удалось. Здесь проявляется отличие изучения истории геополитических идей традиционными методами от ПИ: для первого факт невнимания Достоевского к кавказскому вопросу был бы опущен, однако для второго подобная лакуна значима.

3. Для определения структурных элементов геополитики мы применили ее типологию с использованием подходов К. Флинта и Дж. О’Тоала. В рамках данной статьи мы обратимся к геополитическому феномену “киргизских степей” в качестве примера того, как может строиться подобная работа, а затем кратко охарактеризуем весь спектр проблематик, пригодных для палеогеополитического анализа в творчестве Достоевского, которые возможно исследовать сходным образом.

Тематический анализ, направленный на изучение места киргизских степей в геополитической картине мира Достоевского, дает существенный материал для “формального”, в терминах О’Тоала (см. типологию в тексте выше и в табл. 1), ПИ. Любопытен он, в том числе, потому, что на протяжении творческого пути писателя их видение претерпело трансформацию. В 1850-е годы писатель воспринимает киргизские степи — земли современного Казахстана — исключительно в контексте империалистических установок. Для Достоевского — это окраины империи, своеобразные зоны неосвоенной дикости. Так, первое упоминание киргизских степей находим в письме брату Михаилу от 30 января—22 февраля 1854 г., когда по окончании каторги Достоевский узнает о назначении на службу солдатом в Семипалатинск. Он пишет: “Я командирован в Семипалатинск, почти в киргизскую степь”. И далее: “Не знаю, что ждет меня в Семипалатинске. Я доволь-

Таблица 1. Возможные направления палеогеополитических исследований на основе наследия Ф.М. Достоевского*

Тип геополитических явлений и процессов	Пример направления ПИ
Идеологические конструкции и прочие концепции видения мира (Формальная геополитика)	1. “Окраины” Российской империи в 1840–70-х годах в империалистическом контексте. 2. Развитие сети железных дорог в России и Европе как антипочвенническая глобалистическая тенденция. 3. Остзейский вопрос 1860-х годов в свете преломления славянофильских и западнических идей. 4. Проблема выбора вектора геополитического развития Российской империи в 1860–1870-е годы: между славяно-православным хартлендом и “глобальными городами”. 5. Идеи почвенничества как основа для изменения вектора геополитического развития России в сторону “внутренней суши”. 6. Влияние идей социалистов-утопистов на внешнюю и внутреннюю политику Российской империи после 1848 г. 7. События Освободительного восстания в Польше в 1863 г. в свете концепции русского империализма и панславизма.
Практики и проявления территориальных стратегий в отношении государственности (Практическая геополитика)	1. Идея русского мира и панславянства и ее влияние на политику Российской империи на Балканах. 2. Особенности картирования славянского мира в “Дневнике писателя”**.
Представления о территории и контроле над ней любым субъектом общественных отношений (Популярная геополитика)	1. Влияние геополитических установок периодической печати 1840-х и 1860-х годов на формирование общественного представления о месте Средней Азии, Кавказа и Сибири в составе Российской империи. 2. Житийная литература как основа обыденных представлений о “своих” и “чужих” территориях. 3. Вопрос о положении евреев в России в 1870-х годах: проблема юдофобии и разделение на “своих” и “чужих” евреев. 4. Бытовое представление об Америке как о границе освоенного мира.
Глобальные процессы, тенденции и противоречия, формирующие геополитическую ситуацию (Структурная геополитика)	1. Геополитические воззрения Достоевского на Польшу и их влияние на формирование модели отношений между Россией и Польшей в современном дискурсе. 2. Отражение событий Балканской войны в “Дневнике писателя”. 3. Процесс объединения Италии. 4. Стихотворения Достоевского “На европейские события в 1854 году”, “На первое июля 1855 года”, “<На коронацию и заключение мира>” как фиксация официальных геополитических установок Российской империи в середине 1850-х годов.

* На основе типологии геополитики с использованием подходов К. Флинта и Дж. О’Тоала (Flint, 2012; O’Tuathail, 1999).

** Подробнее см. (Щербинин, Щербинина, 2018).

но равнодушен к этой судьбе. Но вот к чему не равнодушен: хлопочи за меня, проси кого-нибудь. Нельзя ли мне через год, через 2 на Кавказ, — все-таки Россия! Это мое пламенное желание, проси ради Христа!” (Достоевский, 1972—1990, т. 28-1, с. 172). Из текста письма видно, что в картине мира писателя киргизские степи не являются собственноразлично “Россией”, по сравнению с ними даже Кавказ является “своим”.

Специфика понимания Достоевским киргизских степей вписывается в рамки *теории фронтира*. Характеристика края как пограничного, одновременно и “своего”, и “чужого”, оказывается устойчивой на протяжении всего творческого пути Достоевского. Для писателя свойственно представление о киргизской степи как о территории с неустойчивым статусом. Вспомним, что в эпилоге романа “Преступление и наказание” топос широкой степи связывается с Раскольниковым, стоящим на пути “постепенного перерождения”, “постепенного перехода из одного мира в другой” (Достоевский, 1972—1990, т. 6, с. 422). В письме брату от 27 марта 1854 г. Достоевский описывает киргизские степи следующим образом: “Здесь уже начало киргизской степи. Город довольно большой и людный. Азиатов множество. Степь открытая. Лето длинное и горячее, зима короче, чем в Тобольске и в Омске, но суровая. Растительности решительно никакой, ни деревца — чистая степь” (Достоевский, 1972—1990, т. 28-1, с. 178—179). Здесь Достоевский снова говорит о среднеазиатских территориях как о “начале” другого мира. Климат Семипалатинска и киргизских степей он сравнивает с климатом Тобольска и Омска. С одной стороны, это объясняется тем, что три города — Тобольск, Омск, Семипалатинск — являются собой единство для ссыльного писателя, уже проследовавшего по этому маршруту. Но, с другой стороны, получается, что Достоевский, ставя их в один ряд, символически сближает Семипалатинск с Сибирью, освоение которой продолжалось и в XVIII, и в XIX вв. и которую многие исследователи понимают как главный фронт Российской империи, подобный Дикому Западу в Северной Америке.

Наследие Достоевского — яркий пример *практической геополитики* (см. табл. 1). Его заслуга как публициста в формировании так называемой русской идеи и популяризации идеи русского мира беспрецедентна в истории отечественной общественной мысли. Мысль Достоевского оказала реальное влияние и на процесс изучения и освоения киргизских степей. В Семипалатинске Достоевский познакомился с молодым этнографом казахского происхождения Ч. Валихановым и с

большим участием отнесся к его профессиональной судьбе. В письме от 14 декабря 1856 г. Достоевский советует своему другу: “По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих “Записок” о степном быте, Вашем возрасте там и т.д.” (Достоевский, 1972—1990, т. 28-1, с. 249). Далее он пишет: “Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у русских” (Достоевский, 1972—1990, т. 28-1, с. 249). Валиханов стал первым казахским этнографом, фольклористом и просветителем и, несмотря на свою раннюю смерть (в возрасте 29 лет), оказал реальное влияние на политику Российской империи в Средней Азии. Укрепил уверенность молодого человека в правильности своего профессионального пути именно Достоевский.

С точки зрения практической геополитики уникальный материал представляет моножурнал Достоевского “Дневник писателя”, который он издавал с 1876 по 1881 г. Как отметил современный достоевед В.А. Викторovich (2019, с. 334), публицистика Достоевского скреплена “авторской идеей”, является собой не “информацию о событии, а рассуждение о том, что от этого события останется”. Достоевскому свойственно понимание “словесности как проектирования действительности” (Викторovich, 2019, с. 336), реальное ее изменение, что, надо заметить, ему действительно удавалось. Важно, что Достоевский во время издания “Дневника писателя” был близок с К.П. Победоносцевым — обер-прокурором Святейшего синода, членом Государственного совета и человеком, имевшим влияние на Александра III еще в то время, когда он был цесаревичем. Идеи Достоевского так или иначе влияли на взгляды Победоносцева, а впоследствии и на нового императора. В главе “Вопросы и ответы” в “Дневнике писателя” за январь 1881 г. Достоевский размышляет об убыточности или прибыльности строительства дорог в киргизских степях и проводит параллель между этим регионом Российской империи и дикими землями Северной Америки: за месяц до публикации этого материала Достоевский лично, в неофициальной обстановке встречался с будущим императором в Аничковом дворце. И хотя нет доподлинных свидетельств относи-

тельно того, о чем именно говорил писатель и цесаревич Александр Александрович, известно, что Достоевский всегда был склонен обсуждать свои не только художественные, но и общественно-политические воззрения.

При этом с точки зрения *популярной геополитики* (см. табл. 1) процесс формирования интереса Достоевского к вопросу о киргизских степях также любопытен. В 1840-е годы для Достоевского — выпускника Инженерного училища и начинающего литератора — значительную часть круга чтения составляли так называемые толстые журналы, особенно “Отечественные записки”, которые в то время выпускал А.А. Краевский и где вышли с 1846 по 1849 г. многие произведения Достоевского. Краевский публиковал очерки путешественников, дорожные записки, статьи этнографического и географического характера, посвященные отдаленным землям Российской империи и прилегающим территориям, которые начали входить в сферу ее геополитических интересов, описания фронтиров Российской империи как страны с расширяющимися границами на юго-восток и юг. На протяжении 1848 г. в том же журнале “Отечественные записки” выходит серия очерков “Четыре месяца в Киргизской степи”, написанных бароном П.К. Усларом.

Материалы, опубликованные в “Отечественных записках”, способствовали формированию у Достоевского, равно как и у всего просвещенного общества того времени, картины мира, в которой заложено не только стремление России к европеизации. Эти публикации принимали участие в формировании представлений о векторе развития в пользу освоения “внутренней суши”.

С точки зрения *структурной геополитики* (см. табл. 1) наследие Достоевского дает очень важный материал для фиксации потенциального процесса изменения направления развития России вглубь материка.

В последний период творчества Достоевского окраины восточной части России не являются чем-то второстепенным, малозначимым в системе его геополитических представлений. С открытым негодованием писатель пародировал высказывания либералов-западников о том, что России должно ориентироваться на Европу и “забыть об окраинах”: “Окраины все это вздор, все это мелочи и с другого боку, все мелочи, Россия до Урала, а дальше мы ничего и знать не хотим. Сибирь мы отдадим китайцам и американцам. Среднеазиатские владения подарим Англии. А там какую-нибудь киргизскую землю это просто забудем. Россия-де в Европе, и мы европейцы и

преследуем цели веселости. А более никогда и ничего, вот и все” (Достоевский, 1972—1990, т. 27, с. 73). Безусловно, причина этого кроется в системе философских воззрений писателя и нарастающем неприятии им современного европейского пути развития цивилизации. При этом, с точки зрения теорий классической геостратегии, можно сказать, что Достоевский, рассматривая в таком ключе киргизские степи, фиксировал важнейший переход от одного периода расстановки геополитических сил в мире — морского, к другому — сухопутному. Не случайно в одном из приведенных ранее фрагментов Достоевский подчеркивал роль развития железных дорог в Средней Азии: именно это должно было позволить активно развивать новые, внутренние центры Российской империи.

Достоевский полагал: современному “цивилизованному миру”, геополитический вес которого сосредоточен в Европе, грозит катастрофа. Возможность ее избежать для России писатель видел в смене вектора развития государства от Европы в сторону своей “внутренней суши”. При этом в качестве нового хартленда Достоевским рассматривались не только славяно-православные территории Российской империи, но и киргизские степи.

Диахронический анализ творчества Достоевского позволяет зафиксировать, как происходила переоценка роли киргизских степей в составе Российской империи. Художественное, эпистолярное и публицистическое наследие писателя дает материал для наблюдения процесса фактического освоения фронта, его трансформации из фронта в окраину. В 1850-х годах Достоевский рассматривал этот регион как периферию Российской империи, ведущей характеристикой которого был пограничный статус. Выше мы цитировали письмо Достоевского, в котором киргизские степи понимаются как территория, еще менее освоенная, чем Кавказ. Во второй половине 1870-х годов киргизские степи уже понимаются Достоевским как “свои” территории, как неотъемлемая часть страны.

Как видно, ПИ даже при рассмотрении одного региона дает очень богатый материал. Прочие возможные направления подробного изучения наследия Достоевского мы суммировали в табл. 1. Перечисленные темы не претендуют на репрезентацию всего спектра указаний на современные автору геополитические процессы, а лишь показывают, что может стать предметом палеогеополитического анализа. В табл. 1 тематики потенциального глубинного ПИ “приписаны” нами соответствующему разделу геополитики по формальным признакам. Тем не менее каждая тематика может

и должна рассматриваться в контексте ее отражения в каждом тематическом разделе геополитики, подобно разобранным выше примеру.

ВЫВОДЫ

Нам кажется целесообразным введение в научный оборот термина палеогеополитика, возможности которого мы продемонстрировали в представленном исследовании. Под этим термином предлагаем понимать раздел исторической геополитики, изучающий распространение геополитических представлений и явлений прошлых периодов по поверхности Земли с использованием специфического метода исследования, при котором в качестве материала используются не собственно геополитические источники, а косвенные: в частности, произведения искусства.

В настоящем исследовании на примере материалов литературного наследия одного автора (Ф.М. Достоевского) мы продемонстрировали принципиальные возможности проведения как комплексного, так и тематического ПИ, при использовании классификаций разделов геополитики современных авторов.

Тематическое ПИ представлено на материалах проблематики “киргизской степи”. Мы показали, как исследование данной темы в творчестве писателя позволяет реконструировать геополитические представления, явления и процессы, связанные с современным писателем освоением Российской империей территорий Средней Азии. Оказалось, что она в его творчестве репрезентирует все четыре выделенных в нашей классификации раздела геополитики. На основании такого анализа возможно объективнее оценивать генезис и ход этого процесса во второй половине XIX в., равно как и идеологемы и концепции, связанные с данным регионом сегодня.

Комплексное исследование, результаты которого сведены в табл. 1, предлагает оценку широкого (далеко не полного) спектра подобных проблем потенциальных тематических исследований на материале творческого наследия Достоевского. Сама же табл. 1 позволяет оценить элементы геополитического ландшафта современного писателя мира, преломленные в его мировосприятии и способные стать (наряду с прочими) исходным материалом для ПИ.

Представляется, что подобные проведенному палеогеополитические исследования позволят в будущем существенно расширить объяснительные возможности научной геополитики.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-

90020/20. Данная публикация была поддержана в рамках реализации “Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта”.

FUNDING

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-012-90020/20. This paper was supported by the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Викторович В.А.* Достоевский. Писатель, заглянувший в бездну: 15 лекций для проекта Магистерия. М.: Rosebud Publ., 2019. 452 с.
- Гаджиев К.С.* Геополитика. М.: Международные отношения, 1997. 383 с.
- Гольдман Л.* Структурно-генетический метод в истории литературы / Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 335–349.
- Джаксон Т.Н.* Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей: Человек в истории. 1994: Картина мира в народном и ученом сознании. М.: Наука, 1994. С. 54–64.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Дугин А.Г.* Палео-геополитика семитской расы и реперкуссии в современность // Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 280 с.
- Елацков А.Б.* Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: Инфра-М, 2017. 251 с.
- Замятин Д.Н.* Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.
- Замятин Д.Н.* Географические образы и цивилизационная идентичность России: метаморфозы пространства в “Скифах” Александра Блока / Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido Univ., 2008. P. 237–255.
- Замятин Д.Н.* Империя пространства. Географические образы в романе Андрея Платонова “Чевенгур” // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 82–90.
- Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: АГРАФ, 2004. 512 с.
- Замятин Д.Н.* Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998. № 6. С. 80–92.
- Замятина Н.Ю.* Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова “Чевенгур”) // Полюса и цен-

- тры роста в региональном развитии. М.: ИГ РАН, 1998. С. 190–194.
- Замятина Н.Ю. Модели политического пространства // Политические исследования. 1999. № 4. С. 29–41.
- Замятина Н.Ю. Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни // Восток. 1998. № 6. С. 5–20.
- Калинина Т.М. Восточные источники о древнерусской государственности (к статье: Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства) // Славяноведение. 2003. № 2. С. 15–19.
- Колосов В.А. Территориально-политическая организация общества. Автореф. дисс. ... д-ра геогр. наук. М.: ИГАН, 1992. 42 с.
- Мельникова Е.А. Пространственная ориентация в “Повести временных лет” // Древнейшие государства Восточной Европы: 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 73–94.
- Михновец М.В. Кавказ в системе геополитических представлений Ф.М. Достоевского // Studia Rossica Gedanensia. 2019. № 4. С. 97–106.
- Райт Дж.К. Географические представления в эпоху крестовых походов: исследование средневековой традиции в Западной Европе. М.: Наука, 1988. 480 с.
- Рухин Л.Б. Основы общей палеогеографии. Л.: Государственное научно-техническое издательство нефтяной и горно-топливной литературы, 1959. 557 с.
- Стрелецкий В.Н. Историческая география и регионализма: пути и перспективы взаимодействия // Псковский регионологич. журн. № 5. 2007. С. 3–13.
- Цымбурский В.Л. Александр Солженицын и русская контрреформация / В.Л. Цымбурский // Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 475–485.
- Цымбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX вв. // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 92–98.
- Цымбурский В.Л. Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 86–98.
- Черновская М.С. Зарубежная социология литературы: основные направления // Журн. социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 178–190.
- Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в “Дневнике писателя” Ф.М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292–302.
- Ясаманов Н.А., Славин В.И. Методы палеогеографических исследований. М.: Недра, 1982. 255 с.
- Barnhisel G. Cold War Modernists: Art, Literature, and American Cultural Diplomacy. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2015. 336 p.
- Bjorn C. Nations, Nationalism and Patriotism in the European Past. Copenhagen: Academic Press, 1994. 229 p.
- Boyagoda R. When Literary Politics Mattered to Geopolitics // American Literary History. 2016. Vol. 28, Iss. 3. P. 634–643.
- Broun D. When Did Scotland Become Scotland? // History Today. 1996. № 46 (10). P. 16–21.
- Chih-Ming Wang. Geopolitics of Literature // Cultural Stud. 2012. 26:5. P. 740–764.
- Dittmer J. Popular Culture, Geopolitics, and Identity. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publ., 2010. 181 p.
- Dixit P. Relating to Difference: Aliens and Alienness in Doctor Who and International Relations // Int. Stud. Perspectives. 2012. 13 (3). P. 289–306.
- Duggan R. The Geopolitics of Inner Space in Contemporary British fiction // Textual Practice. 2013. 27:5. P. 899–920.
- Flint C. The Geopolitics of Laughter and Forgetting: A World-Systems Interpretation of the Post-Modern Geopolitical Condition // Geopolitics. 2001. 6 (3). P. 1–16.
- Flint C. Introduction to Geopolitics. London: Routledge, 2012. 296 p.
- Grayson K., Davies M., Philpott S. Pop Goes IR? Researching the Popular Culture World Politics Continuum // Politics. 2009. 29 (3). P. 155–163.
- Lauren M.E. Goodlad Victorian Literature and the Victorian State: Character and Governance in a Liberal Society. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 2003. 320 p.
- Lukacs G. Histoires et conscience de classe. Paris: Minuit, 1960. 381 p.
- Maravelias C., Thanem T., Holmqvist M. March Meets Marx: The Politics of Exploitation and Exploration in the Management of Life and Labour // Res. Sociology of Organizations. 2012. № 37. P. 129–159.
- Marwick A. The Nature of History. London: Macmillan Education, 1981. 452 p.
- Marx J. Geopolitics and the Anglophone Novel, 1890–2011. Cambridge Univ. press, 2012. 246 p.
- O’Tuathail G. Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society // J. Strategic Stud. 1999. Vol. 22. № 2/3. P. 111.
- Roberts P. The Geopolitics of Literature: the Shifting International Theme in the Works of Henry James // Int. History Rev. 2012. 34:1. P. 89–114.
- Saunders R.A. Imperial Imaginaries: Employing Science Fiction to Talk about Geopolitics // E-Int. Relations. 2015 <https://www.e-ir.info/2015/06/11/imperial-imaginaries-employing-science-fiction-to-talk-about-geopolitics/>
- Sautman B. Peking Man and the Politics of Paleoanthropological Nationalism in China // J. Asian Stud. 2001. Vol. 60, Iss. 1. February. P. 95–124.
- Takayoshi I. American Writers and the Approach of World War II, 1935–1941: A Literary History. Cambridge Univ. Press, 2015. 344 p.
- Weaver-Hightower R. Geopolitics, Landscape, and Guilt in Nineteenth-Century Colonial Literature // Geocritical Explorations. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 123–138.
- Zimmermann W. First Great Triumph: How Five Americans Made Their Country a Great Power. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2002. 596 p.

Approaches to Paleogeopolitical Research Based on the Study of Literary Heritage (the Case of the Heritage of F.M. Dostoevsky)

K. E. Axenov^{1, 2, *} and M. V. Mikhnovets^{3, **}

¹*Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia*

²*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia*

³*Dostoevsky Museum, St. Petersburg, Russia*

*e-mail: axenov@peterlink.ru

**e-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

This article introduces the concept of paleogeopolitics — a discipline that aims to reconstruct all types of geopolitical representations, phenomena, and processes that existed in the past within the area of interest. The uniqueness of the proposed method of retrospective research of geopolitical representations is that it is not based on geopolitical sources but on works of art. The present article demonstrates how paleogeopolitical research can be conducted based on the material of the literary heritage of an individual writer. It also specifies what literary sources and research methods are most relevant in reconstructing the geopolitical processes of the time. The article proposes a paleogeopolitical study based on the works of Fyodor Dostoevsky. To determine the structural elements of the reconstructed geopolitics, the use of G. O'Tuathail's typology of critical geopolitics is suggested. The present study offers a comprehensive assessment of the entire spectrum of potential paleogeopolitical studies based on the works of Dostoevsky, which would allow researchers to assess the geopolitical landscape of the writer's world. The application of the proposed paleogeopolitical research to the analysis of the concept of "the Kirghiz Steppes" in the writer's geopolitical world view is demonstrated. The results have shown the process of changing the status of "the Kirghiz Steppes" in Dostoevsky's works and in the social consciousness of the time: from the frontier of the Empire to their own territory, and later to a new heartland.

Keywords: geopolitics, paleogeopolitics, paleogeography, critical geopolitics, Dostoevsky, Russian Empire, the Kirghiz Steppes

REFERENCES

- Barnhisel G. *Cold War Modernists: Art, Literature, and American Cultural Diplomacy*. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2015. 336 p.
- Bjorn C. *Nations, Nationalism and Patriotism in the European Past*. Copenhagen: Academic Press, 1994. 229 p.
- Boyagoda R. When literary politics mattered to geopolitics. *Am. Lit. Hist.*, 2016, vol. 28, no. 3, pp. 634–643.
- Broun D. When did Scotland become Scotland? *Hist. Today*, 1996, vol. 46, no. 10, pp. 16–21.
- Chernovskaya M.S. Foreign sociology of literature: main directions. *Zh. Sotsiol. Sotsial'n., Antropol.*, 2011, vol. 14, no. 1, pp. 178–190. (In Russ.).
- Dittmer J. *Popular Culture, Geopolitics, and Identity*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publ., 2010. 181 p.
- Dixit P. Relating to difference: Aliens and alienness in *Doctor Who* and international relations. *Int. Stud. Perspect.*, 2012, vol. 13, no. 3, pp. 289–306.
- Dodds K. Screening geopolitics: James Bond and the early Cold War films (1962–1967). *Geopolitics*, 2005, vol. 10, no. 2, pp. 266–289.
- Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 Vols.]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990.
- Duggan R. The geopolitics of inner space in contemporary British fiction. *Textual Pract.*, 2013, vol. 27, no. 5, pp. 899–920.
- Dugin A.G. Paleo-geopolitics of the Semitic race and repercussion in modern times. In *Evrasiiskii revansh Rossii* [Russia's Eurasian Revenge]. Dugin A.G., Ed. Moscow: Algoritm Publ., 2014. 280 p. (In Russ.).
- Dzhakson T.N. Orientation principles of space organization in the picture of the world of the medieval Scandinavian. In *Odissei: Chelovek v istorii. 1994: Kartina mira v narodnom i uchenom soznanii* [Odyssey: a Man in History. 1994: Picture of the World in the Popular and Scientific Consciousness]. Moscow: Nauka Publ., 1994, pp. 54–64. (In Russ.).
- Elatskov A.B. *Obshchaya geopolitika: voprosy teorii i metodologii v geograficheskoi interpretatsii* [General Geopolitics: Issues of Theory and Methodology in Geographical Interpretation]. Moscow: Infra-M Publ., 2017. 251 p.
- Flint C. The geopolitics of laughter and forgetting: A world-systems interpretation of the post-modern geopolitical condition. *Geopolitics*, 2001, vol. 6, no. 3, pp. 1–16.
- Flint C. *Introduction to Geopolitics*. Routledge, 2012. 296 p.
- Gadzhiev K.S. *Geopolitika* [Geopolitics]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1997. 383 p.
- Gol'dman L. Structural-genetic method in the history of literature. In *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. Traktaty, stat'i, esse* [Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the 19–20 centuries. Treatises, Articles, Essays]. Moscow: Mosk. Gos. Univ., 1987, pp. 335–349. (In Russ.).

- Grayson K., Davies M., Philpott S. Pop goes IR? Researching the popular culture world politics continuum. *Politics*, 2009, vol. 29, no. 3, pp. 155–163.
- Kalinina T. M. Eastern sources about the ancient Russian state (to the article: Zuckerman K. Two stages of the formation of the Ancient Russian state). *Slavyanovedenie*, 2003, no. 2, pp. 15–19. (In Russ.).
- Kolosov V.A. Territorial and political organization of society. *Extended Abstract of Doctoral Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Inst. of Geogr., Russ. Acad. Sci., 1992. 42 p.
- Lauren M.E. *Goodlad Victorian Literature and the Victorian State: Character and Governance in a Liberal Society*. Baltimore, London: The Johns Hopkins Univ. Press, 2003. 320 p.
- Lukacs G. *Histoire et conscience de classe*. Paris: Minuit Publ., 1960. 381 p.
- Maravelias C., Thanem T., Holmqvist M. March meets Marx: The politics of exploitation and exploration in the management of life and labour. In *Managing "Human Resources" by Exploiting and Exploring People's Potentials*. Holmqvist M., Spicer A., Eds. Bingley: Emerald Group Publ., 2012, pp. 129–159. doi 10.1108/S0733-558X(2013)0000037009
- Marwick A. *The Nature of History*. London: Macmillan Education, 1981. 452 p.
- Marx J. *Geopolitics and the Anglophone Novel, 1890–2011*. Cambridge Univ. Press, 2012. 246 p.
- Mel'nikova E.A. Spatial orientation in the "The Tale of Bygone Years". In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 2006 god: Prostranstvo i vremya v srednevekovykh tekstakh* [The Ancient States of Eastern Europe: 2006: Space and Time in Medieval Texts]. Glazyrin G.V., Ed. Moscow: Russ. Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2010, pp. 73–94. (In Russ.).
- Mikhnovets M.V. The geopolitics of the Caucasus in the works of Fyodor Dostoevsky. *Studia Rossica Gedanensia*, 2019, no. 4, pp. 97–106. (In Russ.).
- Roberts P. The geopolitics of literature: The shifting international theme in the works of Henry James. *Int. Hist. Rev.*, 2012, vol. 34, no. 1, pp. 89–114.
- Rukhin L.B. *Osnovy obshchei paleogeografii* [Fundamentals of General Paleogeography]. Leningrad: Gos. Nauchn.-Tekhn. Izd-vo Neftyanoi i Gorno-Toplivn. Literaturny Publ., 1959. 557 p.
- Saunders R.A. *Imperial Imaginaries: Employing Science Fiction to Talk about Geopolitics*. E-International Relations, 2015. Available at: <https://www.e-ir.info/2015/06/11/imperial-imaginaries-employing-science-fiction-to-talk-about-geopolitics/> (accessed: 16.05.2021).
- Sautman B. Peking Man and the politics of paleoanthropological nationalism in China. *J. Asian Stud.*, 2001, vol. 60, no. 1, pp. 95–124.
- Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. Mapping the Slavic world in the "A Writer's Diary" by F.M. Dostoevsky. *Rusin*, 2018, vol. 54, no. 4, pp. 292–302. (In Russ.).
- Streletsky V.N. Historical geography and regionalism: ways and prospects of interaction. *Pskov. Regionol. Zh.*, 2007, no. 5, pp. 3–13. (In Russ.).
- Takayoshi I. *American Writers and the Approach of World War II, 1935–1941: A Literary History*. Cambridge Univ. Press, 2015. 344 p.
- Tsyburskii V.L. Alexander Solzhenitsyn and the Russian counter-reformation. In *Ostrov Rossiya: Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty*. 1993–2006 [Geopolitical and Chronopolitical Works. 1993–2006]. Tsyburskii V.L., Ed. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007, pp. 475–485. (In Russ.).
- Tsyburskii V.L. Morphology of Russian geopolitics and dynamics of international systems of the XVIII–XX centuries. *Tetradi po Konservatizmu*, 2015, no. 1, pp. 92–98. (In Russ.).
- Tsyburskii V.L. Tyutchev as a geopolitician. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*, 1995, no. 6, pp. 86–98. (In Russ.).
- Tuathail G.O. Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society. *J. Strateg. Stud.*, 1999, vol. 22, nos. 2–3, pp. 107–124.
- Urushadze A. *Kavkazskaya voyna. Sem' istorii* [Caucasian War. Seven Stories]. Moscow: NLO Publ., 2018. 336 p.
- Viktorovich V.A. *Dostoevskii. Pisatel', zaglyanuvshii v bezdnu: 15 lektii dlya proekta Magisteriya* [Dostoevsky. The Writer Who Looked into the Abyss: 15 Lectures for the Magisteria Project]. Moscow: Rosebud Publ., 2019. 452 p.
- Wang C.M. Geopolitics of literature: Foreign literature studies in early twentieth-century China. *Cult. Stud.*, 2012, vol. 26, no. 5, pp. 740–764.
- Weaver-Hightower R. Geopolitics, landscape, and guilt in nineteenth-century colonial literature. In *Geocritical Explorations*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011, pp. 123–138.
- Wright J.K. *The Geographical Lore of the Time of the Crusades: A Study in the History of Medieval Science and Tradition in Western Europe*. N.Y.: Am. Geogr. Soc., 1925. 563 p.
- Yasamanov N.A., Slavin V.I. *Metody paleogeograficheskikh issledovaniy* [Methods of Paleogeographic Studies]. Moscow: Nedra Publ., 1982. 255 p.
- Zamyatin D.N. *Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazov prostranstva* [Metageography: Image Space and Images of Space]. Moscow: AGRAF Publ., 2004. 512 p.
- Zamyatin D.N. Political and geographical images and geopolitical pictures of the world (representation of geographical knowledge in models of political thinking). *Polit. Issled.*, 1998, no. 6, pp. 80–92. (In Russ.).
- Zamyatin D.N. The Empire of space. The geographical images in the novel of Andrei Platonov "Chevengur". *Vo prosy filosofii*, 1999, no. 10, pp. 82–90. (In Russ.).
- Zamyatin D.N. The images of geographical and civilizational identity of Russia: metamorphoses of space in Alexander Blok's "Scythians". In *Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context*. Sapporo: Slavic Res. Center, Hokkaido Univ., 2008, pp. 237–255. (In Russ.).

- Zamyatin D.N. *Vlast' prostranstva i prostranstvo vlasti. Geograficheskie obrazy v politike i mezhdunarodnykh ot-nosheniyakh* [The Power of Space and the Space of Power. Geographical Images in Politics and International Relations]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 352 p.
- Zamyatina N.Yu. Localization of ideology in space (American frontier and space in A. Platonov's novel "Che-vengur"). In *Polyusa i tsentry rosta v regional'nom razvi-tii* [Poles and Centers of Growth in Regional Develop-ment]. Moscow: IG RAN, 1998, pp. 190–194. (In Russ.).
- Zamyatina N.Yu. Models of political space. *Polit. Issled.*, 1999, no. 4, pp. 29–41. (In Russ.).
- Zamyatina N.Yu. Siberia and the Wild West: the image of the territory and its role in public life. *Vostok*, 1998, no. 6, pp. 5–20. (In Russ.).
- Zimmermann W. *First Great Triumph: How Five Americans Made Their Country a Great Power*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux Publ., 2002. 596 p.